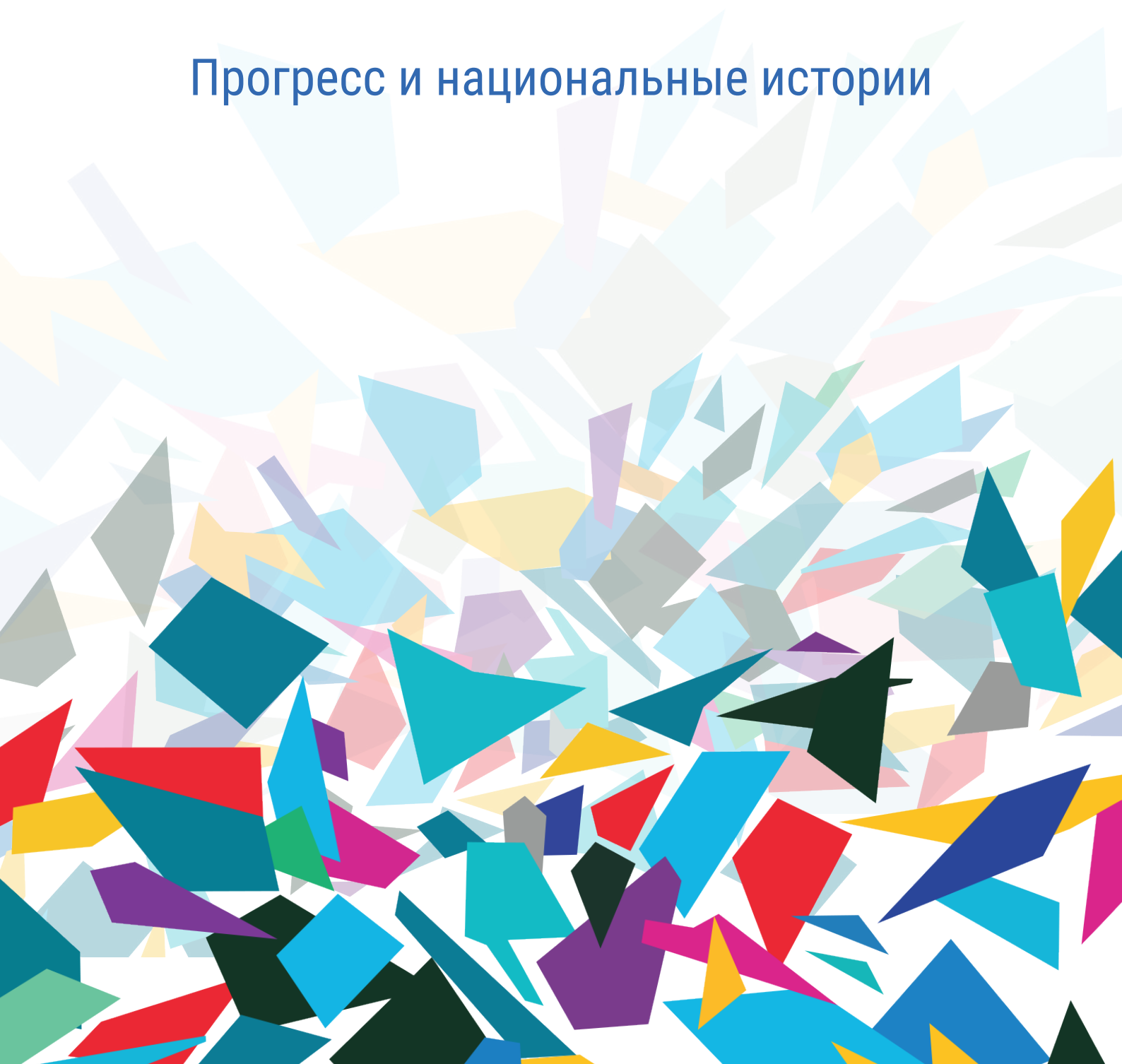

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Прогресс и национальные истории

Одной из важнейших идей философской истории, появившейся в эпоху Просвещения, стала идея Прогресса. Ее смысл заключался в том, что человечество на протяжении всей своей истории постепенно совершенствовалось. При этом процесс совершенствования подразумевал не просто отдельные сферы человеческой деятельности – науку и научное знание; он относился к человечеству в целом, его нравственно-философскому содержанию.

Наиболее детальное отражение идея Прогресса нашла в работах французского экономиста и политика Анна Робера Жака Тюрго и математика Жана Антуана Никола Кондорсе.

Во время Французской революции Кондорсе был активным членом фракции жирондистов. После поражения жирондистов он вынужден был скрываться, затем был арестован и приговорен к смерти через гильотину. В этот тяжелый период своей жизни Кондорсе написал известное эссе «Эскиз картины прогресса человеческого духа».

Кондорсе воспринимал историческое время в виде линейного закономерного движения ко все более разумному порядку вещей.

Согласно Кондорсе, вся известная история делилась на 9 эпох, из которых пять приходились на античность; шестая, Средние Века, была эпохой рецидива варварства, эпохой упадка и обскурантизма; седьмая и восьмая включали восстановление от варварства Средних Веков и освобождение науки и философии от «ига авторитета»; во время девятой человечество окончательно преодолевает предрассудки, предоставляя разуму полную свободу действия. Таким образом, согласно Кондорсе, все условия для совершенного общества, общества справедливых законов, равенства между людьми, свободной торговли были выполнены. Построением такого общества человечество должно было заняться в последнюю, инициированную Французской Революцией, десятую эпоху истории.

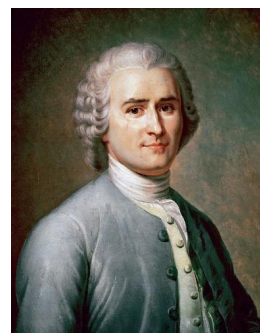
Идея Прогресса стала знаковой для современной эпохи. Если философы Ренессанса ностальгически смотрели на античное прошлое как на недостижимый идеал, то теперь у историков появилась возможность оценивать прошлое с точки зрения будущей цели. Новое по определению превратилось в лучшее.

Прогресс стал душой, организующим интеллектуальным принципом современности.

Прогресс перевернул христианское понимание времени с ног на голову – не Страшный суд, а золотое время таило в себе грядущее. В то же самое время, Прогресс сохранил саму идею, отождествляющую историю с поступательным движением к цели, пусть если не к царству божьему, то к торжеству разума.

Нельзя сказать, что понятия Прогресса было воспринято всеми безоговорочно. В самом Просвещении, не взирая на общий оптимизм, зрела реакция, посеявшая семена эпохи романтизма.

К наиболее известным критикам идеи Прогресса принадлежала такая характерная личность эпохи как Жан Жак Руссо. Он не считал, что прогресс наук и искусств способствовал улучшению нравственных качеств человечества. В своем «втором дискурсе», дискурсе о происхождении неравенства, Руссо вывел фигуру естественного человека, свободного, здорового, честного и великодушного. Таковым человек был лишь в доисторический период, до появления частной собственности. Последняя стала причиной не только неравенства среди людей, но и причиной всех главных людских пороков. Движение к цивилизации представляло из себя процесс хроники и упадка общества.

Пессимизм Руссо относительно влияния цивилизации был отповедью критиков прогресса. Другой теорией, отрицающей прогресс, стала концепция культурно-исторических циклов. Ее сторонники считали, что помимо разума, ключевыми в определении хода истории являются чувства, эмоции, интуиция. Такие предпосылки позволяли историкам рассматривать разнообразие общественных форм, не пытаясь при этом вписать их в линейное движение времени.

Одним из первых мыслителей, выдвинувших теорию циклов, стал неаполитанский профессор риторики Джамбаттиста Вико. Его работа «Новая наука» представляла оригинальную концепцию истории, возможно даже слишком оригинальную, что обусловило отсутствие признания Вико неподготовленными к ней современниками.

Вико отделил природу от истории, подчеркнув, что методы понимания двух областей различны. Универсальные концепции, применимые к природе, бесполезны в попытках осмысления истории, потому что природа людей непостоянна. Их восприятие, ценности, образ мыслей постоянно меняются, что объясняет частичную герметичность отдельных культур.

Вико считал, что нужно понимать эти изменения, изучать их как события культурной истории человечества.

Вико поделил историю на три эры: божественная эра – период до формирования государств, когда возникли семья, письменность, религия, основы права; героическая, или время господства аристократии и ее борьбы с плебейми; человеческая эра – эра преобладания разума, демократии, расцвета городов. При этом человеческая эра на идеализировалась Вико. В ее успехе – в преобладании логики над аналогиями, прозы над поэзией, демократических ценностей над аристократическими – Вико видит уже зачатки упадка цивилизации. За ней наступает новое варварство. И цикл начинается снова.

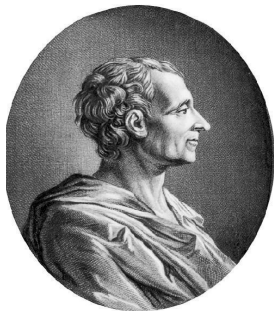
Одним из немногих последователей Вико был упомянутый в прошлой лекции Иоганн Готфрид Гердер. В своем труде «Идеи к философии истории человечества» Гердер дал широкую картину прошлого и настоящего народов мира. Отказавшись от цивилизационной шкалы, он представил народы как обособленные культурные единицы. Каждый из народов уникален. Он обладает языком, фольклором, традициями, мировоззрением – собственной душой. Развитие народов следует изучать изнутри, в соответствии с их уникальными особенностями. Одним из первых Гердер указал на относительность «европейского пути» и «культурного мерила». Его идеи, как и идеи Вико, предвосхитили время, найдя признание уже в эпоху Романтизма.

Философская история принимала форму не только общих рассуждений относительно сути человеческой истории. Рост централизованных национальных монархий требовал создания новых светских историй, соединивших историко-философские концепции появления и развития с фактологическим материалом, собранным историками-эрудитами.

Национальные светские истории следовали похожей схеме: народы двигались от древности, когда появлялись первые о них сведения, к христианизации и средним векам, а затем и к новому времени. Античность, не являясь национальной, признавалась колыбелью современных европейских обществ. Важная задача национальных историков состояла в том, чтобы не просто показать особенности прохождения народами вышеупомянутого пути, но и подчеркнуть особый вклад народа в мировую историю, его отдельную роль.

Рассмотрим некоторые примеры написания национальных историй.

Французская историография XVIII века превратилась в поле битвы между так называемыми германистами и романистами. Первые утверждали, что корни современной французской государственности и социального устройства лежат в германском – франкском – завоевании римской Галлии в V и VI веках. Франки дали начало аристократии, обеспечившей себе господство правом победителя; кельты и римляне составили «народ», или «третье сословие». Германисты видели естественным факт подчинения народа «чистокровному» дворянству.

Романисты считали, что французский народ – результат слияния галло-римлян и франков. Появившееся французское государство тоже сохранило в себе черты римских институтов и привнесенных из-за Рейна франкских политических традиций. Идеи романистов, по словам Монтескье, походили на заговор против старого режима и дворянства (в той же мере, в которой теории германистов были заговором против «третьего сословия»).

Английская и шотландская историографические школы (в силу особенностей регионального Просвещения) относились к философским схемам с большой осторожностью. Среди авторов периода следует выделить лорда Болингброка, Дэвида Юма, Уильяма Робертсона и Эдуарда Гиббона.

В своих «письмах об изучении и пользе истории» Болингброк поднимал вопрос о смысле, цели, и форме исследования прошлого. Он считал, что история как рассказ о прошлом, исходит из любви человека к самому себе и к своей неизменной природе. Понимание структур этой природы посредством «примеров людей» и «примеров событий», построения событийных рядов, поиска причин и установления связей с внешне разрозненными фактами – в этом и заключалась задача истории. Как и в случае с естественной природой, человек в самопознании двигался индуктивно, от отдельных наблюдений к знанию «общих правил».

Скептически настроенный шотландский философ Дэвид Юм подверг критике такие ключевые для науки понятия, как «субстанция» и «причинно-следственные» отношения. Несмотря на свои взгляды относительно невозможности построения научной схемы, отвечающей действительности, Юм взялся за написание первой полной английской национальной истории. Его восьмитомная работа «История Англии от вторжения Юлия Цезаря до революции 1688 г» представляет «аристократическую», торийскую интерпретацию прошлого. Основное внимание уделялось политической истории и связи неизменного характера жителей Британских островов со становлением английского государства.

Принципы точного цитирования источников, введенные Юмом в оборот, были восприняты в дальнейшем многими английскими авторами.

Другим автором из Шотландии, внесшим вклад в британскую историографическую традицию, был Уильям Робертсон. Пресвитерианский священник, автор «Истории Шотландии» и сравнительных работ, посвященных народам Индии и Америки, Робертсон стремился найти согласование между идеей прогресса и божественного замысла. История говорила о делах человека; божественные цели (совершенствование человеческого рода) соответствовали тому, что находили и о чем писали философы. Видя смысл становления в переходе человека от «варварства к утонченности», Робертсон не высоко оценивал культурный уровень неевропейских, американских народов.

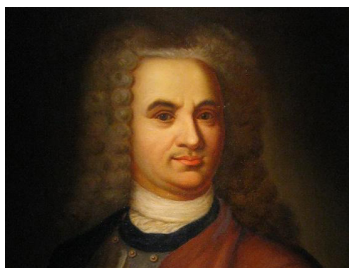

Однако даже они заслуживали сочувственного внимания уже потому, что составляли неотъемлемую часть мировой истории.

Выдающийся историк Эдуард Гиббон известен своим «Упадком и падением Римской Империей», монументальным памятником литературы, повествующим о периоде со II века нашей эры вплоть до взятия Константинополя турками-османами. В античном предмете его работы легко угадывались аллегории с различными событиями из Британской истории. Рождение парламентаризма и демократии, становление империи – все это можно было найти в описании римского прошлого.

Глядя вперед, Гиббон задается вопросом: а не грозит ли судьба Римской империи Западу в целом, и Британии в частности?

Необходимо сказать и несколько слов о развитии историографии в России, пережившей, как известно, радикальные преобразования в царствование Петра I. При Петре предпринимались первые попытки написания светской национальной истории с применением западных концепций. Петровский замысел был воплощен только после смерти царя и был связан с деятельностью Василия Татищева. Татищев, под стать европейским антикварам, посвятил много времени сбору, изучению, систематизации и подготовке к изданию отечественных и иностранных источников по древней истории России.

Главный труд Татищева «История Российская с самых древнейших времен» был опубликован уже после его смерти, в 1768–1784 и в 1848 году. Этот труд определил на десятилетия вперед и главную фабулу российской истории, фабулу развития государства и самодержавия.

Труд Татищева, в первых вариантах напомилавший древнерусские летописи, вписывается в современные Татищеву европейские сочинения. Суть исторического движения, следуя историку, определена не Проведением или деяниями выдающихся правителей и полководцев, но развитием «всемирного умопросвящения».

Не все из русских историков XVIII века воспринимали европейские парадигмы развития без критики. Михаил Щербатов, автор семитомной «Истории России с древнейших времен», стал предтечей славянофильства. Признавая значимость петровской эпохи в становлении новой России, Щербатов сетует на упадок естественных добродетелей, свойственных людям с древнейших времен, и распространение дурных нравов.

Россия в представлении Щербатова шла по правильному пути, сойти с которого ее заставило следование Западу.

Российская историография XVIII века стала свидетелем спора, схожего на спор германистов с романистами во Франции. Роль первых в России играли сторонники «норманской теории» происхождения российского государства. К ним принадлежали немецкие исследователи, работавшие в Петербургской академии наук, – Готлиб Зигфрид Байер и Герард Фридрих Миллер.

Норманисты утверждали, что государство возникло вследствие «приглашения» славянскими племенами князей-норманов (варягов).

Это момент лег в основу русского самодержавия и других властных институтов.

С критикой норманской теории выступил Михаил Ломоносов. В своем труде «Древняя российская история» ученый попытался представить историю не правителей, но народа. История эта началась задолго до варягов и Рюрика. Для того, чтобы обосновать древность славян, Ломоносов пользовался и русскими источниками, и произведениями античных авторов. Сторонники Ломоносова критиковали идею завоевания (или привнесения власти извне), утверждая версию органического развития народов.

Национальные истории, написанные в рамках нарративных схем Просвещения, стали демонстрацией их ограниченности. Просвещение воспринимало человека как некий универсум, неизменную категорию во времени и пространстве.

Национальные историки открывали обратное, обусловленные историей и культурой различия между человеческими сообществами.

Этих открытий становилось все больше, вынуждая интеллектуалов задуматься над самодостаточностью предложенных Просвещением схем. Из первых изолированных попыток преодолеть ограниченность Просвещения родился дух новой эпохи, эпохи Романтизма.

О его истоках и пойдет речь в нашей следующей лекции.